

Библейско-богословская коллекция
Гомилетическая серия

Певницкий В.

**К ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ
ХРИСТИАНСКОЙ
ПРОПОВЕДИ**

Труды Киевской духовной академии, 1890,
№ 7, с. 335-374

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

КЪ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ.

Проповѣдь на латинскомъ западѣ въ первые три вѣка хри-
стіанства.

До насъ не дошло на латинскомъ языкѣ ни одного па-
мятника проповѣднической литературы, котораго происхожде-
ніе можно было бы относить ко времени раньше поло-
вины четвертаго вѣка. Первый, отъ котораго мы имѣемъ
письменные произведенія на латинскомъ языкѣ, составлен-
ныя изъ бесѣдъ, говоренныхъ въ церкви, былъ Иларій пик-
тавійскій, жившій и дѣйствовавшій, въ качествѣ учителя
христіанской церкви, уже въ началѣ второй половины чет-
вертаго вѣка. Это обстоятельство даетъ поводъ къ предпо-
ложенію, что на латинскомъ западѣ проповѣдь не была въ
употребленіи при богослуженіи въ первые вѣка христіан-
ства. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого предположенія мо-
жетъ служи́ть свидѣтельство Созомена, жившаго уже въ
пятомъ вѣкѣ, который говоритъ, что *въ Римѣ* (въ его время)
*не проповѣдуетъ ни епископъ, ни кто другой*¹⁾. Если такъ было
въ Римѣ, въ главной западной церкви, служившей образ-
цомъ для другихъ церквей запада и дававшей имъ руковод-
ственное направленіе,—нѣтъ ли основанія думать, что и
въ другихъ церквахъ западныхъ не слышно было пропо-
вѣди въ древніе вѣка?

¹⁾ Церк. Исторія. Кн. VII, гл. 19.

Мы не можемъ допускать подобнаго предположенія. Безъ всякаго сомнѣнія, проповѣдь была на латинскомъ западѣ и въ тѣ вѣка, отъ которыхъ не дошло ни одного письменнаго произведевія гоимлетическаго характера. Но тѣмъ началамъ, какія дѣйствовали въ церкви и опредѣляли богослужебную практику, необходимо полагать, что существованіе проповѣди было нераздѣльно съ существованіемъ церкви. Тѣмъ менѣе возможно представлять, чтобы былъ такой большой пробѣлъ въ исторіи церковнаго учительства въ цѣлой половинѣ древняго христіанскаго міра, чтобы въ церквяхъ запада не говорили проповѣдей на протяженіи тѣхъ трехъ съ половиною вѣковъ, отъ которыхъ мы не имѣемъ письменныхъ памятниковъ проповѣдничества. Проповѣдь была существенною частію богослуженія, въ собраніяхъ христіанъ, съ апостольскихъ временъ. Вездѣ, куда ни проникало слово Христово и гдѣ ни основывались христіанскія общины или мѣстныя церкви, тамъ, при собраніяхъ вѣрующихъ для молитвы и богослуженія, читали священныя писанія или отдѣлы изъ нихъ, и послѣ чтенія изъясняли прочитайное и выводили изъ него правила вѣры и наставленія благочестія. Въ Римѣ основана была церковь при апостолахъ, и въ посланіи къ римлянамъ (Рим. XVI, 4) упоминаются существовавшія тамъ домашнія церкви, подъ которыми нужно разумѣть частныя богослужебныя собранія вѣрующихъ изъ христіанъ, къ чему располагали или вмѣстительность дома или вліятельный авторитетъ того или другаго домохозяина изъ христіанъ. Въ этихъ домашнихъ церквяхъ собравшіеся для молитвы, по обычаю, освященному апостолами, назидали другъ друга, и эти взаимныя назиданія вѣрующихъ были началомъ или росткомъ дальнѣйшей проповѣди. Объ этихъ церковныхъ назиданіяхъ свидѣтельствуетъ самъ Апостоль Павелъ, говоря о римлянахъ: *извѣщенъ я о васъ, братія мои, что вы... исполнены всякаго познанія и можете настагать другъ друга* (Рим. XV, 14). Въ томъ же посланіи къ римлянамъ Апостоль между раз-

личными дарованіями, проявляемыми въ церкви по благодати, данной намъ, упоминаетъ дарованія ученія и утѣшенія (*аще учай, въ ученіи, аще утѣшай, во утѣшеніи* (Римл. XII, 8). Гдѣ возможно было проявленіе этихъ дарованій, если не въ церкви, при богослужебныхъ собраніяхъ?

Болѣе ясное и положительное свидѣтельство о существованіи проповѣди въ первые вѣка на всемъ протяженіи христіанскаго міра, значить, и на западѣ, даютъ Апостольскія Постановленія. Они уясняютъ основанія порядка, какой соблюдался въ богослужебныхъ собраніяхъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ были вѣрующіе, и по ихъ указаніямъ мы можемъ воспроизводить богослужебную практику церкви христіанской вообще, не исключая церкви западно-латинской, установившуюся и выполняемую въ первые три вѣка христіанства. Но они говорятъ *объ ученіи благочестія*, ради котораго должны собираться въ церковь всѣ,—и рабы,—въ субботу и день Господень ¹⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтствуютъ, что въ день Господень, въ память Воскресшаго въ третій день, три моленія совершаемъ, и бываютъ *чтенія пророковъ и проповѣдь Евангелія*, и приношеніе жертвы и дары священной свѣди ²⁾. Опредѣляя частіе порядоку богослуженія собственно по предмету, имѣющему отношеніе къ проповѣди, Апостольскія Постановленія говорятъ: послѣ чтенія отдѣловъ изъ библейскихъ книгъ, „пресвитеры по одиночкѣ, а не всѣ вдругъ, пусть увѣщываютъ народъ, а послѣ всѣхъ ихъ епископъ, который подобенъ кормчему“ ³⁾. Если въ этомъ нѣтъ прямого повелѣнія о веденіи проповѣди въ церкви, то во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть здѣсь внушительнаго заявленія факта, говорящаго о широкомъ употребленіи проповѣднаго или учительнаго слова въ первые вѣка.

¹⁾ Кн. VIII, гл. 33.

²⁾ Кн. II, гл. 59.

³⁾ Кн. II, гл. 57.

Болѣе прямое и непосредственное отношеніе къ практикѣ западной церкви имѣютъ свидѣтельства св. мученика Іустина Философа и Тертуліана; а они ясно говорятъ о существованіи проповѣди церковной въ ихъ время. Іустинъ мученикъ жилъ въ Римѣ, гдѣ открылъ училище благочестія, и въ Апологіи, поданной императору Антонину I, онъ свидѣтельствуесть, что въ собраніяхъ христіанъ въ такъ называемый день солнца читаются сказанія апостоловъ или писанія пророковъ, потомъ, когда перестаетъ чтець, *предстоятель посредствомъ слова дѣлаесть наставленіе и увѣщаніе подражать тѣмъ прекраснымъ вещамъ* ¹⁾, или дѣлаемъ, о какихъ читано изъ Писанія. Понятно, что жившій въ Римѣ Іустинъ описываетъ здѣсь то, что видѣлъ въ собраніяхъ христіанъ, тамъ жившихъ, въ собраніяхъ, въ которыхъ и самъ принималъ участіе. Конечно, порядки западной церкви изображаетъ и Тертуліанъ, когда говоритъ въ своемъ Апологетикѣ: „мы собираемся для чтенія божественнаго Писанія, чтобы, по указанію обстоятельствъ, или почерпнуть изъ него нужныя предостереженія, или оживить познанія ²⁾: святыми словами мы питаемъ вѣру, подкрѣпляемъ надежду, поддерживаемъ бодрость, и не менѣе того частыми напоминаніями вкореняемъ наставленія учителей; тутъ же еще слышатся увѣщанія и произносятся божественныя приговоры ³⁾. Довольно ясно указывается здѣсь не только на чтеніе Писанія въ собраніяхъ христіанъ, но и на увѣщанія и наставленія, какія извлекали изъ Писанія, или на какія наводило оно учителей церковныхъ, и даже здѣсь есть на-

¹⁾ Апол. I. гл. 67.

²⁾ Cogimur (по др. рец. coimus) ad litterarum divinarum commemorationem, si quid *praesentium temporum* qualitas aut praemonere cogit, aut recognoscere... у Барсова въ „Исторіи первобытной христіанской проповѣди (до IV вѣка)“ переведено: „Мы *призываемъ* къ зановинанію божественныхъ писаній, если *время* позволить что либо *прекрасное* предложить или рассмотреть.“ (стр. 144).

³⁾ Apologet. c. XXXIX. Patrol. cursus compl. T. I, col. 469.

межь на разные роды наставленій, слышимыхъ въ церкви. Тертуллианъ въ другомъ сочиненіи опредѣленнѣе говорить о томъ, что бываетъ въ собраніяхъ христіанъ, и при этомъ упоминаетъ о поученіяхъ, какъ обыкновенной составной части богослуженія: „читаются писанія, или поются псалмы, или говорятся бесѣды (*allocutiones profertur*), или возносятся молитвы“¹⁾).

Въ твореніяхъ св. Кипріяна карфагенскаго не разъ встрѣчаются упоминанія о проповѣди, и онъ свидѣтельствуется, что проповѣдь была для него, какъ епископа, обязательнымъ долгомъ, и въ тоже время говоритъ о явленіи епископа съ проповѣдію въ церкви предъ народомъ, какъ о дѣлѣ, входящемъ въ обыкновенный утвердившійся порядокъ вещей. „Мы, малѣйшему и послѣдному изъ рабовъ Божіихъ (читаемъ мы въ его книгѣ о смертности), сколько разъ было открываемо, сколь часто и ясно, по благовolenію Божію, заповѣдуемо было непрестанно внушать и *всенародно проповѣдывать*, что не должно оплакивать братьевъ нашихъ, по зову Господа отрѣшающихся отъ настоящаго вѣка, потому что они, какъ мы знаемъ, не погибаютъ, а только предшествуютъ намъ, и отходя предваряютъ насъ, подобно путешественникамъ и мореплавателямъ“²⁾). Въ письмѣ къ еиваритянамъ св. Кипріанъ заявляетъ: „думалъ я, возлюбленнѣйшіе братья, если обстоятельства и время дозволятъ, самъ придти къ вамъ, согласно не разъ выраженному вами желанію,—и лично укрѣпить тамъ братство, хотя и слабымъ словомъ нашего увѣщанія“³⁾). Подъ этимъ словомъ увѣщанія, которое св. Кипріанъ хотѣлъ лично предложить еиваритянамъ, безъ всякой натяжки, полагаемъ, можно разумѣть церковное проповѣдное слово, ко-

¹⁾ Tert. de anima, cap. IX. Patrol. lat. t. II, col. 660.

²⁾ Книга о смертности. Твор. св. священномученика Кипріяна, еп. каре. въ р. пер. Т. II, стр. 251. Ср. Письмо 61. т. I, стр. 309.

³⁾ Письмо 48 къ еиваритянамъ, съ увѣщаніемъ къ мученичеству. Твор. св. священномученика Кипріяна въ русск. перев. Т. I, стр. 217.

торое св. Кипріанъ, какъ епископъ, хотѣлъ и считалъ нужнымъ предложить подчиненной ему паствѣ для ея ободренія и укрѣпленія при тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ какихъ она находилась. Въ томъ же письмѣ св. Кипріанъ, указывая на то, что отъ страха гоненія и угрожающей смерти разбѣгается народъ и скрывается по разнымъ мѣстамъ, и что отъ этого нарушается правильный порядокъ жизни церковной, говоритъ по этому поводу такъ: „никто, возлюбленнѣйшіе братья, видя народъ нашъ разбѣгающимся и разсѣивающимся отъ страха гоненія, да не смущается тѣмъ, что онъ не видитъ *собраннаго братства, не слышитъ проповѣдующихъ епископовъ*“¹⁾. Значитъ, когда жизнь текла правильнымъ порядкомъ, и никакія чрезвычайныя обстоятельства не нарушали этого порядка, братство вѣрующіихъ собиралось вмѣстѣ, первѣе всего для богослуженія, и среди собраннаго братства слышалась увѣщательная и наставительная рѣчь епископа. Равнымъ образомъ въ письмѣ къ Антоніану, о Корнеліѣ и Новаціанѣ, Кипріанъ въ уста либеллятика²⁾ влагаетъ такія слова, изъ которыхъ видно, что вѣрующіе слушали наставительныя рѣчи епископа: „я прежде читалъ (говоритъ въ письмѣ Кипріана воспользовавшійся запискою) и изъ *рѣчей епископа* узналъ, что не должно приносить жертву идоламъ, и что рабъ Божій не долженъ поклоняться истуканамъ; потому, чтобъ не сдѣлать непозволенаго, я, когда представился случай имѣть записку, которой я не бралъ бы безъ такого случая, пошелъ къ начальству объявить или объявивъ чрезъ другаго, шедшаго туда, что я христіанинъ, что мнѣ не позво-

¹⁾ Письм. 48. Твор. св. священномуч. Кипріана. Т. I, стр. 220.

²⁾ Либеллятиками назывались такіе изъ христіанъ, которые во время гоненій, чтобы не приносить жертвы идоламъ, заявляли начальству, что они христіане, и вносили плату за то, чтобы ихъ не принуждали участвовать въ извѣстныхъ жертвоприношеніяхъ. Внесшіе плату получали свидѣтельство или записку (*libellum*), освобождавшую ихъ отъ принесенія нечестиваго жертвоприношенія, откуда и произошло самое названіе либеллятиковъ.

лительно приносить жертву и нельзя приступить къ жертвенникамъ діавольскимъ, и что я даю за то плату, чтобы мнѣ не дѣлать непоозволительнаго^а. И тотъ, занятившій себя запискою (продолжаетъ далѣе Кипріанъ отъ себя), послѣ того, какъ изъ *нашего наставленія* узналъ, что и этого не слѣдовало дѣлать, что онъ осквернилъ свою совѣсть, хотя руи его чисты и уста его не осквернены никакою заразою идоложертвенной яствы, — тотъ же самый еще плачетъ теперъ и рыдаетъ^а 1)...

Не приводимъ другихъ свидѣтельствъ, говорящихъ о существованіи проповѣди на западѣ въ первые вѣка христіанства. Полагаемъ, что и приведенныя свидѣтельства достаточно ясны и не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что церковная проповѣдь существовала и слышалась при богослуженіи на латинскомъ западѣ и въ тѣ вѣка, отъ которыхъ не дошло до насъ ни одного памятника проповѣдничества. Прибавимъ къ этому, что западъ въ первые вѣка христіанства былъ подъ сильнымъ воздѣйствіемъ востока. Въ Римѣ до половины третьяго вѣка богослужбынымъ языкомъ былъ языкъ греческій, равно какъ и въ нѣкоторыхъ городахъ южной Галліи, напримѣръ въ Марсели, древней Массиліи: въ послѣдней даже въ шестомъ вѣкѣ употреблялся при богослуженіи вмѣстѣ съ латинскимъ и греческій языкъ, и слѣды этого замѣтны даже и въ десятомъ вѣкѣ. Вмѣстѣ съ этимъ здѣсь поддерживались и греческія обычаи. Что было на востокѣ, то перенималъ западъ. Тамъ на предстоятеляхъ церкви лежалъ долгъ говорить народу поученія, такъ точно и здѣсь. Первоначально слышалась здѣсь проповѣдь, если не вездѣ, то во многихъ главныхъ церквахъ, на греческомъ языкѣ, какъ это видно изъ примѣра Ипполита, бывшаго епископомъ въ Римѣ; а потомъ, когда греческій языкъ смѣнился при богослуженіи латинскимъ, на этомъ послѣднемъ

^а) Творенія св. священномуч. Кипріана въ р. пер. Письмо 43. Т. I. стр. 165.

языкъ стали говорить поученія народу при богослуженіи представители церквей. Климентъ римскій и Иринея,—епископъ ліонскій, писавшіе на греческомъ языкѣ, если вели въ церкви поучительныя бесѣды, то, конечно, на томъ языкѣ, на какомъ писали.

Если же была проповѣдь на латинскомъ западѣ, то какъ объяснить отсутствіе памятниковъ проповѣдничества на латинскомъ языкѣ изъ древнѣйшаго христіанскаго періода?

Это объясняется тѣмъ, что проповѣди были просты и безыскусственны. Онѣ не записывались самими авторами и не были приготовляемы ими заблаговременно, а говорены были по мѣрѣ вѣры и по дѣйствию случайнаго вдохновенія. Равнымъ образомъ и слушатели записывали ихъ *не на бумагу, а на сердце*, какъ выражается св. Иринея ліонскій, въ письмѣ къ Флорину ¹⁾, о рѣчахъ св. Поликарпа смирнскаго. Проповѣдь на западѣ и послѣ, по развитіи литературной христіанской производительности, долгое время не получала, такъ сказать, права литературнаго гражданства. Въ четвертомъ вѣкѣ почти всѣ гомилетическія произведенія, предъ издавіемъ въ публику, передѣлывались въ книги или комментаріи и въ такомъ видѣ пускались въ литературный обиходъ, и это мы видимъ не только у св. Иларія пиктавійскаго, но даже у такого замѣчательнаго проповѣдника, какимъ былъ св. Амвросій медиолаванскій. Тѣмъ болѣе не могли явиться въ качествѣ литературныхъ произведеній говоримыя въ церкви поученія во времена болѣе древнія, когда на проповѣдь смотрѣли, какъ на слово устное, и когда въ рѣчи проповѣдника желали видѣть и слышать назиданіе, имѣющее своимъ источникомъ не столько вѣру сердца, сколько внушеніе Духа. Не въ этой ли причинѣ, т. е., не въ простотѣ ли и безыскусственности проповѣднаго слова, слышаемаго при богослуженіи у латинянь, не претендующаго

¹⁾ Церк. Исторія Евсевія, Кн. V, гл. 20.

на литературное значеніе, нужно искать нѣкотораго основанія для несправедливаго свидѣтельства греческаго историка пятаго вѣка о томъ, что въ Римѣ не проповѣдуетъ ни епископъ и никто другой? Греку, привыкшему къ краснорѣчю искусственному, ласкающему слухъ, могли казаться не заслуживающими имени проповѣдей тѣ простыя бесѣды, какія говорились на западѣ.

Впрочемъ, есть основаніе полагать, что на латинскомъ западѣ не такъ часто слышалась проповѣдь, какъ на греческомъ востокѣ. Основаніе для такого предположенія не въ томъ, что тамъ, на западѣ, меньше было образованія и образованныхъ пастырей, чѣмъ на востокѣ (для того, чтобы давать простое изъясненіе Писанія и извлекать изъ него добрыя назиданія, не нужно было особеннаго образованія, а достаточно было теплой вѣры), а въ томъ, что, при устройствѣ и утвержденіи порядка церковной жизни, на западѣ болѣе было ограничено право на проповѣдь въ церкви второстепенныхъ членовъ клира, и потому тамъ меньшему количеству лицъ дозволялось проповѣдывать въ церкви при богослуженіи. На западѣ въ первые уже вѣка христіанства рѣзче, чѣмъ на востокѣ, были разграничены іерархическія преимущества епископовъ надъ пресвитерами, и по мѣрѣ того, какъ расширялась и возвышалась въ церкви власть епископа, служивались полномочія пресвитеровъ. При этомъ у пресвитеровъ если не отнято было, то значительно стѣснено было право на публичную проповѣдь при церковномъ богослуженіи (что послѣ сдѣлаво было и въ Александріи¹⁾), когда началъ тамъ распространять опасное лжеученіе Аріи, бывший пресвитеромъ александрійской церкви) и они не могли такъ свободно выступать на церковную кафедру, какъ это было въ церквахъ восточныхъ. Отъ того исторія первыхъ вѣковъ христіанской церкви на западѣ не указы-

¹⁾ Церк. Ист. Сократа, кн. V, гл. 21 и Созомена, кн. VII, гл. 13.

ваетъ проповѣдающихъ пресвитеровъ, и историческія свидѣтельства не упоминаютъ ни одного имени пресвитера, который бы ознаменовалъ себя служеніемъ проповѣдному слову. Далѣе, нѣкогорымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить записанное въ исторіи обстоятельство изъ жизни блаж. Августина: когда блаж. Августинъ, сдѣлавшись пресвитеромъ въ концѣ четвертаго вѣка, получилъ отъ своего епископа Валерія позволеніе или порученіе проповѣдывать въ церкви въ его присутствіи, этимъ соблазнялись другіе епископы африканскіе, находя выступленіе пресвитера на церковную кафедру для проповѣди, въ присутствіи епископа, несогласнымъ съ утвердившимся церковнымъ порядкомъ, и Валерій въ оправданіе свое указывалъ на то, что обычай проповѣдывать пресвитерамъ въ присутствіи епископа, не употребительный на западѣ, на востокѣ повсюду замѣчается, и что отъ этого большую пользу получаютъ вѣрующіе. Положимъ, въ этомъ фактѣ, записанномъ жизнеописателемъ Августина Поссидіемъ, нѣтъ прямого указанія на то, что пресвитеры на западѣ не проповѣдывали; изъ него видно только, что пресвитерамъ не дозволялось проповѣдывать въ присутствіи епископовъ. Но изъ него несомнѣнно слѣдуетъ, что на западѣ пресвитеры пользовались по отношенію къ проповѣди гораздо меньшими правами, чѣмъ пресвитеры восточные, и рѣже ихъ выступали съ проповѣдію предъ народомъ. Св. Кипріанъ, въ писаніяхъ котораго находятъ наиболѣе свидѣтельствъ, подтверждающихъ существованіе проповѣди на западѣ въ первые вѣка, ясно и рѣшительно говорить только о проповѣдующихъ епископахъ и о рѣчахъ или проповѣдяхъ епископа, но не даетъ подтвержденія на то, что долгъ церковнаго учительства вмѣстѣ съ епископами и наравнѣ съ ними раздѣляли и пресвитеры. Правда, изъ писемъ его ¹⁾ приводятъ мѣста въ доказательство того,

¹⁾ Письмо 10-е къ мученикамъ и исповѣдникамъ, просившимъ мира падшимъ, и письмо 11-е къ народу. Творенія св. священномученика Кипріана въ русск. переводѣ. Т. I, стр. 49—54.

что въ его время долгъ проповѣдническаго служенія несли и подчиненные члены клира ¹⁾. Но эти мѣста прямымъ смысломъ своимъ не ведутъ къ такому заключенію, какое хотятъ выводить изъ нихъ. Писма, изъ которыхъ извлекаютъ эти мѣста, касаются вопроса о принятіи въ церковь падшихъ. Въ нихъ святой отецъ выставляетъ на видъ то, что, по смыслу церковныхъ законоположеній, не должно спѣшить съ пріятіемъ падшихъ въ церковное общеніе, но нужно дѣлать все осмотрительно и обдуманно, чтобы безразсуднымъ оскорбленіемъ мира не навлечь еще болѣе гнѣва оскорбленнаго Господа, и при этомъ направляетъ сильное укоризненное слово противъ тѣхъ пресвитеровъ, которые, не имѣя ни страха Божія, ни уваженія къ священному сану епископа, вопреки закону евангельскому, входятъ въ общеніе съ падшими, молятся за нихъ и преподаютъ имъ Евхаристію, прежде принесенія ими надлежащаго покаянія, прежде возложенія на нихъ руки епископомъ и клиромъ. Эти пресвитеры, по указанію св. Кипріана, другихъ должны руководить въ исполненіи заповѣдей божественныхъ, а они подаютъ другимъ примѣръ нарушенія ихъ и другихъ влекутъ за собою на путь незаконный. „До сихъ поръ я былъ увѣренъ (говоритъ св. Кипріанъ въ письмѣ къ мученикамъ и исповѣдникамъ, просившимъ мира падшимъ), что находящіеся тамъ у васъ пресвитеры и діаконы руководствуютъ васъ своими совѣтами и самымъ полнымъ образомъ наставляютъ въ законѣ евангельскомъ, какъ это и прежде всегда дѣлалось при нашихъ предшественникахъ: тогда діаконы обязаны были, посѣщая темницы, своимъ совѣтомъ и внушеніемъ заповѣдей Божіихъ давать направленіе желаніямъ мучениковъ. Но теперь съ величайшею болѣзнію сердца узнаю, что тамъ не только не внушаютъ

¹⁾ Pragmatische Geschichte der christlichen Beredsamkeit und Homiletik. Paniel. § 73. s. 219. Исторія первоытной христіанской проповѣди (до IV вѣка). Н. Барсовъ. § 46, стр. 217, и прил. 167.

вамъ божественныхъ заповѣдей, но еще и противодѣйствуютъ имъ, что нѣкоторые пресвитеры отвергаютъ даже то, что вами самими дѣлается осмотрительно въ отношеніи къ Богу и почтительно въ отношеніи къ священнику Божию (епископу)... Долгъ предстоятелей—держаться заповѣди и вразумлять какъ поспѣшающихъ, такъ и невѣдущихъ; иначе долженствующіе быть пастырями овецъ содѣлаются хищниками. Ибо позволять то, что влечетъ къ гибели, значитъ обманывать... Итакъ пусть по крайней мѣрѣ отъ васъ они научатся тому, чему должны были учить сами. Прошевія и желанія ваши пусть представятъ епископу...“ — „Объ этомъ (о порядкѣ принятія въ церковь падшихъ послѣ несенія ими, болѣе или менѣе продолжительное время, положеннаго покаянія) должны были напоминать наши пресвитеры и діаконы (читаемъ мы въ другомъ письмѣ св. Кипріана къ народу, изъ котораго заимствуютъ доказательство того, что проповѣдывали въ церкви на западѣ и подчиненные члены клира), чтобы подкрѣпить ввѣренныхъ имъ овецъ и божественнымъ ученіемъ наставить на путь желаннаго спасенія; а нашъ народъ, какъ я знаю, смиренъ и боязливъ: падшіе бдительно позаботились бы объ удовлетвореніи и умилостивленіи Бога, если бы нѣкоторые угодливые пресвитеры не обманули ихъ. Итакъ по крайней мѣрѣ вы руководите cadaго и своимъ совѣтомъ и наставленіемъ настройте души падшихъ сообразоваться съ божественными заповѣдями“. Принимая во вниманіе поводъ, по которому писаны упомянутыя нами письма, изъ которыхъ мы привели тирады, имѣющія отношеніе къ нашему вопросу, соображая контекстъ рѣчи и прямой смыслъ ея, мы находимъ здѣсь указанія не на проповѣдь церковную, а на то, что подчиненные епископу члены клира своимъ *вліяніемъ* и своими *частными наставленіями* должны руководить людей въ исполненіи закона евангельскаго. Здѣсь рѣчь идетъ о церковной дисциплинѣ и о соблюденіи установленнаго порядка церковной жизни, о томъ, что эту дисциплину и по-

рядокъ церковной жизни должны охранять и поддерживать пресвитеры и діаконы сколько своимъ примѣромъ, столько же руководствованіемъ простыхъ мірянъ, вѣрннхъ ихъ попечевію, а не о томъ, что они должны проповѣдывать въ церкви. Въ обоихъ этихъ мѣстахъ уже одно сопоставленіе, на равной степени, пресвитеровъ и діаконовъ, по отношенію къ исполненію долга руководствовать вѣрующихъ своими совѣтами и наставленіями, не даетъ намъ права видѣть здѣсь рѣчь о проповѣди церковной; такъ какъ на діаконовъ, какъ извѣстно, не возлагалась обязанность проповѣдывать слово Божіе въ церкви, и даже не давалось право на это, и они, за весьма рѣдкими исключеніями, не восходили на церковную кафедру для проповѣди народу. Даже такой знаменитый учитель, каковымъ былъ въ свое время св. Іоаннъ Златоустъ, въ продолженіе своего пятилѣтняго служенія въ санѣ діаконскомъ, ни разу не являлся на кафедру проповѣдника, и первое свое слово произнесъ народу въ церкви, уже по рукоположеніи въ пресвитера. Далѣе, св. Кипріанъ самъ разъясняетъ, что онъ разумѣетъ подъ тѣмъ руководствомъ и тѣми наставленіями, каковыхъ онъ ожидаетъ отъ пресвитеровъ и діаконовъ, и какія тѣ и другіе обязаны дѣлать. Сказавши, что это (руководство и наставленіе) и прежде всегда дѣлалось при его предшественникахъ, онъ замѣчаетъ, что „тогда діаконы обязаны были, посѣщая темницы, своимъ совѣтомъ и внушеніемъ заповѣдей Писанія давать направленіе желаніямъ мучениковъ“. При посѣщеніи темницъ и при другихъ подобныхъ случаяхъ направленіе желаній христіанъ на законный путь возможно только путемъ частныхъ совѣтовъ и руководственныхъ наставленій, а не путемъ церковной проповѣди, и этого собственно требуетъ святой епископъ отъ подчиненныхъ ему членовъ клира. Если же они не дѣлаютъ этого, и наяротивъ сами нарушаютъ порядокъ церковный, тогда „пусть по крайней мѣрѣ (обращается св. Кипріанъ къ мученикамъ и исповѣдникамъ) отъ васъ научатся тому, чему

должны были сами учить“, тогда (говоритъ онъ въ другомъ письмѣ къ народу или къ избраннымъ изъ него) по крайней мѣрѣ вы руководите каждаго и своимъ совѣтомъ и наставленіемъ настройте души падшихъ сообразоваться съ божественными заповѣдями“. Конечно, не проповѣдь церковную разумѣть святой Кипріянь, когда исповѣдниковъ, не имѣющихъ никакой іерархической степени, склоняетъ къ тому, чтобы отъ нихъ и чрезъ нихъ научились поступать по закону пресвитеры, долженствующіе руководить другихъ, а между тѣмъ сами нарушающіе законъ, или когда на простыхъ мірянъ или на избранныхъ изъ нихъ возлагаетъ долгъ руководить своихъ ближнихъ и наставлять ихъ поступать такъ, какъ требуютъ того божественныя заповѣди.

Какой характеръ имѣла латинская проповѣдь въ первые вѣка христіанства?

За недостаткомъ памятниковъ проповѣдничества изъ тѣхъ вѣковъ, объ этомъ предметѣ нельзя говорить съ совершенною достовѣрностію, и было бы большою самонадѣянностію съ нашей стороны разсчитывать на представленіе полной, точной и обстоятельной характеристики проповѣди, не оставившей по себѣ ясныхъ слѣдовъ. Здѣсь можно и нужно идти къ уясненію дѣла не прямымъ путемъ посредствующихъ умозаключеній, и строить болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, на основаніи аналогій, заимствованныхъ изъ другихъ, соприкосновенныхъ съ проповѣдію, областей.

Фреппель, бывший профессоръ Сорбонны, нынѣ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей французскаго епископата въ своемъ „Курсѣ священнаго краснорѣчія, читанномъ въ Сорбоннѣ въ 1864—1865 году“, посвященномъ характеристикѣ Климента александрійскаго и анализу его сочиненій, въ одномъ изъ чтеній (одиннадцатомъ), разбирая сочиненіе Климента: *кто изъ боищихся спасется?* входитъ въ нарочитое разсмотрѣніе вопроса о состояніи проповѣди въ первые три вѣка, и пытается опредѣлить характеръ проповѣди тѣхъ

вѣковъ, какъ греческой,—на востокѣ, такъ и латинской, на западѣ, и при этомъ показать отличіе той и другой. По его сужденію, на греческомъ востокѣ господствовала омилія, изъяснительная бесѣда, и болѣе свободная и менѣе строгая форма омиліи отвѣчала привычкамъ восточнаго духа, а на западѣ развивалась и утвердилась рѣчь или слово (*sermo*), съ ея методическимъ планомъ съ ея правильнымъ порядкомъ¹⁾, рѣчь, не примыкавшая, подобно омиліи, тѣсно къ Писанію, а самостоятельно обсуждавшая такой или иной предметъ. По его замѣчанію, духъ порядка и анализа всегда отличалъ латинское краснорѣчіе, и правильная форма слова или рѣчи всегда сохранялась у священныя ораторовъ запада. Такое положеніе свое Фреппель думаетъ утверждать указаніемъ на нравственныя сочиненія или трактаты правоучительнаго содержанія первыхъ писателей христіанской Африки,—Тертуліана и въ особенности Кипріяна.—Мы не можемъ слѣдовать за Фреппелемъ въ этомъ случаѣ. Его сужденіе о латинской проповѣди первыхъ вѣковъ и ея отличіи отъ проповѣди греческой намъ кажется произвольнымъ, не имѣющимъ подъ собою твердыхъ основаній. Едва ли возможно, безъ риска уклониться отъ истины, высказывать рѣшительныя заключенія, при опредѣленіи характера проповѣди, на основаніи такихъ сочиненій, отношеніе которыхъ къ проповѣди не установлено, и которыя скорѣе составляютъ самостоятельный родъ литературныхъ произведеній, независимый отъ церковнаго проповѣднаго слова. Другія историческія данныя, ближе относящіяся къ предмету, нами обсуждаемому, говорятъ не то, что утверждаетъ о латинской проповѣди авторъ „Курса священнаго краснорѣчія“. Эти историческія свидѣтельства мы привели выше: это именно свидѣтельство о проповѣди церковной св. Іустина, Тертуліана и Апостольскихъ Постановленій. На основаніи ихъ

¹⁾ Clement d'Alexandrie. Cours d'eloquence sacree par l'abbé Freppel, p. 278.

нужно полагать, что и на латинскомъ западѣ также, какъ и на греческомъ востокѣ, господствующимъ родомъ церковныхъ поученій была омилія или поученіе на писанія, какъ называютъ проповѣдь Апостольскія Постановленія. И здѣсь, какъ и на востокѣ, по указанію древнѣйшихъ свидѣтельствъ, проповѣдь связана была съ чтеніемъ свящ. Писанія, и непосредственно слѣдуя за нимъ, служила его разъясненіемъ или изъ прочитаннаго отдѣла, для назиданія вѣрующихъ, извлекала полезные уроки, направленные въ утверженію вѣры и благочестія. Притомъ латинская проповѣдь не только во второмъ и третьемъ, но и въ четвертомъ вѣкѣ стояла подъ явнымъ и сильнымъ воздѣйствіемъ проповѣди греческой, и у нея заимствовали и форму, и приемы, и мысли и перѣдко даже самыя выраженія самыя видныя представители латинской проповѣди четвертаго вѣка, оставившіе намъ памятники своей проповѣднической дѣятельности,—св. Амвросій медиоланскій, Иларій пиктавійскій, Зенонъ веронскій. Въ болѣе ранніе вѣка, чѣмъ когда жили эти замѣчательные проповѣдники, нужно полагать, это воздѣйствіе греческой омиліи на латинскую проповѣдь было сильнѣе; такъ какъ тогда менѣе было литературныхъ силъ на христіанскомъ западѣ, могущихъ пролагать самостоятельную дорогу въ области церковнаго проповѣдничества, и не успѣли утвердиться преданія, которыя имѣли бы значеніе опредѣляющаго закона для дѣятельности людей, выступающихъ на служеніе церковному слову. Если бы въ третьемъ вѣкѣ на латинскомъ западѣ выработалась и утвердилась самостоятельная проповѣдническая форма слова, отличная отъ омиліи, какъ то думаетъ Фреппель, то она, конечно, не исчезла бы въ теченіе какихъ либо десятилѣтій, а чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе расширялась бы и съ большею силою подчиняла бы себѣ тѣхъ, которые, послѣ ея утвержденія, выступали на церковную кафедру. Но этого мы не видимъ въ исторіи, и синтетическая форма рѣчи, видная въ трактатахъ Тертуліана и Кипріяна, не находитъ себѣ подражателей между

церковными проповѣдниками и не возрождается въ послѣдующихъ гомилетическихъ произведеніяхъ. Не къ нимъ за вдохновеніями и руководствами обращаются послѣдующіе латинскіе проповѣдники, а къ своимъ восточнымъ собратіямъ, упредившимъ ихъ ва поприщѣ гомилетическаго творчества, чего не было бы, если бы практика латинской церкви утвердила извѣстную проповѣдническую манеру. Сужденіе Фрепеля подсказано было ему не столько точнымъ познаніемъ дѣла, сколько духомъ пристрастія къ латинской литературѣ, который замѣтенъ у очень многихъ западныхъ писателей, чувствующихъ болѣе близкихъ родственныхъ связей съ родоначальниками латинской христіанской письменности, чѣмъ съ родоначальниками письменности греческой. Отзывъ его болѣе благопріятствуетъ латинской проповѣди, чѣмъ греческой, и указывая въ первой больше порядка и методики, большую силу анализа, очевидно желаетъ ставить ее выше второй, какъ бы распущенной и небрежной по формѣ. Между тѣмъ греческая литература вообще, и греческая проповѣдь въ частности, несравненно выше и богаче латинской литературы и проповѣди, и со стороны внѣшней стройности и внѣшняго художества греческая проповѣдь превосходитъ латинскую, будучи для послѣдней образцомъ подражанія.

Г. Барсовъ, въ *Исторіи первобытной христіанской проповѣди* признавая сннтетическую форму проповѣди принадлежностію латинской проповѣди первыхъ вѣковъ, представилъ особую искусственную градацію въ развитіи проповѣди. По его изображенію ¹⁾, первымъ моментомъ развитія формы проповѣди были *homilia*, за нею слѣдовала *sermo*, затѣмъ *tractatus*, за которымъ по степени тематизаціи идетъ греческое *λόγος*. Двѣ особенныя формы указываетъ въ латинской проповѣди авторъ упомянутой нами *Исторіи проповѣди*,

¹⁾ Исторія первобытной христ. проповѣди § 60, стр. 337.

отмѣчая ихъ словами *tractatus* и *sermo*. Овъ, впрочемъ, видитъ близкое родство между этими формами или видами проповѣди и готовъ считать *tractatus* синонимомъ *sermo*, отъ котораго, по его словамъ, въ случаѣ отдѣленія ихъ, „какъ видъ проповѣди, *tractatus* отличается большею обстоятельностью, послѣдовательностью и глубиною изслѣдованія, а также большею внѣшнею художественностью, тогда какъ *sermo* характеризуется большею непосредственностью, простотою и элементарностью содержанія“. Такая теорія развитія формы проповѣди сочинена авторомъ а priori, и не отвѣчаетъ указанному въ исторіи ходу развитія проповѣди. Если бесѣда (*ὁμιλία*) и предшествуетъ слову (*λόγος*) въ исторіи христіанской проповѣди и въ древнѣйшіе вѣка является первою и господствующею формою церковныхъ поученій, то вѣтъ никакого основанія ставить между ними, какъ промежуточные пункты, *sermo* и *tractatus*. Латинское *sermo* отвѣчаетъ греческому *λόγος*: имъ означается такой видъ словесныхъ произведеній, который, какъ и греческія слова, противопоставляется аналитической бесѣдѣ, греческой омиліи, позднѣе у латинянъ называемой постиллою (*postilla*). Если же въ произведеніяхъ греческихъ авторовъ, отмѣчаемыхъ словомъ *λόγος*, мы замѣчаемъ больше полноты, больше стройности и внѣшней художественности, чѣмъ въ подобныхъ произведеніяхъ латинскихъ писателей, то это зависитъ не отъ того, что слово (*λόγος*) составляетъ высшую степень тематизаціи, какъ говоритъ авторъ, въ сравненіи съ произведеніями, означаемыми латинскимъ именемъ *sermo*, а отъ большей силы таланта греческихъ проповѣдниковъ и отъ высшей степени ихъ образованія. Родъ словесныхъ произведеній, означаемыхъ словами *λόγος* и *sermo*, одинъ, только различны степени ихъ достоинствъ. Да и между греческими такъ называемыми словами (*λόγος*) нельзя не замѣчать нѣкотораго различія въ ихъ строѣ и степени ихъ художественности, объясняемаго единственно личными силами и направленіемъ того или другаго автора. Противъ теоріи, ставящей между *ὁμιλία* и *λόγος* посредству-

ющія звеня—*sermo* и *tractatus*, говоритъ то, что греческая проповѣдь развивалась совершенно независимо отъ проповѣди латинской, и греческое слово (*λόγος*) никакимъ образомъ не могло быть дальнѣйшимъ развитіемъ латинскихъ формъ проповѣди, отмѣчаемыхъ авторомъ словами *sermo* и *tractatus*, и, по его представленію, предшествующихъ ему. При этомъ не нужно опускать изъ вида и то значеніе, какое вывѣ соединяется съ словомъ *tractatus*. Мы этимъ именемъ означаемъ разсужденіе о какомъ либо предметѣ болѣе или менѣе обстоятельное, не имѣющее прямаго отношенія къ области краснорѣчія, или гомилетической литературѣ, отнюдь не составляющее вида ораторскихъ или проповѣдническихъ произведеній, и конечно съ такимъ значеніемъ слово „трактатъ“ стало употребляться не въ наши только или близкіе къ намъ дни. Нужно полагать, что такое же значеніе соединялось съ нимъ издревле и въ латинской письменности, откуда оно съ незапамятныхъ временъ перешло и въ другіе языки. Круель утверждаетъ, что словомъ *tractatus* никогда не означали и не называли проповѣди ¹⁾. Мы знаемъ, впрочемъ, что иные вводятъ слово *tractatus* въ гомилетическій языкъ и хотятъ видѣть въ немъ техническій терминъ, означающій извѣстный родъ проповѣдническихъ произведеній, но должны замѣтить, что съ этимъ терминомъ ученые не соединяютъ одного опредѣленнаго, твердо установившагося, понятія, и что такого различенія между *sermo* и *tractatus*, какъ между двумя видами проповѣди, какое встрѣчается „въ Исторіи первобытной христіанской проповѣди“ ²⁾, мы не встрѣчали въ другихъ сочиненіяхъ. У Пальмера слово *tractatus* отождествляется съ словомъ *homilia* и противопоставляется *sermo*, какимъ словомъ означается тематическая проповѣдь. Видъ рѣчи, родственной греческой омилиі, видить въ произведеніяхъ, означаемыхъ именемъ *tractatus*, и Остерцее ³⁾. Гарнакъ же не полагаетъ никакого различія между

¹⁾ Geschichte der deutsch. Predigt im Mittelalter. s. 50. Crucl.

²⁾ Practische Theologie Von I. L. van Oosterzee § 14. 2. Erst. Band. s. 103.

sermo и tractatus и считаетъ эти слова синонимическими въ смыслѣ означенія ими одного и того же вида проповѣди. Онъ идетъ еще далѣе, — считаетъ оба эти слова однозначительными съ словами allocutio, locutio и даже homilia, и утверждаетъ, что на церковномъ языкѣ всѣми этими словами безразлично называлась проповѣдь церковная вообще ¹⁾). Нашъ русскій авторъ Исторія первобытной христіанской проповѣди, видя въ латинской проповѣди видъ, высшій греческой омиліи, прилагаетъ къ нему названія tractatus и sermo, которыя, говоритъ онъ, могутъ быть понимаемы, какъ синонимы ²⁾); но желаніе провести искусственную теорію развитія формъ проповѣди заставило его видѣть различіе тамъ, гдѣ въ дѣйствительности его не было, и находить два вида или двѣ степени развитія проповѣди въ произведеніяхъ совершенно одинаковаго типа и характера. Мы не видимъ въ исторіи оправданія такого взгляда на развитіе формъ проповѣди, какой высказывается въ упомянутой нами Исторіи, и въ гомилетической литературѣ не находимъ основанія къ различенію двухъ видовъ проповѣди, изъ которыхъ бы одинъ назывался sermo, а другой tractatus.—Мы сами не смѣшиваемъ sermo и tractatus, и отличаемъ по значенію эти два слова одно отъ другаго, но основаніе для отличія ихъ одно отъ другаго видимъ не въ томъ, что tractatus является яко-бы дальнѣйшимъ болѣе усовершенствованнымъ и содержательнымъ и болѣе художественнымъ видомъ проповѣди, чѣмъ sermo (трактаты въ исторіи латинской письменности являлись равнѣе, чѣмъ sermones), а въ томъ, что sermo есть рѣчь, назначенная для устнаго произнесенія и говоримая предъ собраніемъ народа, а tractatus не рѣчь, а письменное сочиненіе, составляемое въ кабинетѣ и назначаемое не для произнесенія, а для чтенія. При этомъ sermo

¹⁾ Practische Theologie. Zweiter Band. Dritt. Th Geschichte und Theorie der Predigt und der Seelsorge, von Harnack. s. 6.

²⁾ Ист. перв. христ. проповѣди, стр. 337.

по обстоятельности и глубинѣ разсмотрѣнія предмета, по послѣдовательности развитія мыслей, а еще болѣе по внѣшней художественности слова, можетъ быть отнюдь не ниже, а, пожалуй, выше сочиненія, означаемого словомъ tractatus.

Если можно полагать различіе между греческою и латинскою проповѣдію древнихъ вѣковъ, то не столько въ формѣ, сколько въ направленіи мысли и содержаніи. Къ уясненію этого предмета, какъ мы сказали, необходимо идти путемъ посредственныхъ заключеній, на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ.

Эти историческія данныя представляетъ латинская мысль и письменность, и уясненіе ея характера и направленія, насколько этотъ характеръ и направленіе обнаружались въ памятникахъ ея, до насъ дошедшихъ, можетъ косвеннымъ образомъ освѣщать и частную область проповѣдничества. Что замѣчается въ общемъ ходѣ латинской мысли и литературной дѣятельности латинянъ, то, конечно, должно отражаться и въ проповѣдничествѣ, которое составляетъ одинъ изъ частныхъ видовъ умственно-литературной дѣятельности, и въ которомъ дѣйствуетъ та же мысль, направленная извѣстнымъ образомъ, какая работаетъ въ другихъ родахъ умственного и литературнаго творчества.

Принимая во вниманіе общій характеръ латинской письменности и общій строй и направленіе римской мысли, и перенося отсюда черты на латинское проповѣдничество, которое не могло, въ большей или меньшей степени, не подчиняться общему умственному и литературному теченію, мы должны предполагать больше простоты и безыскусственности въ латинской проповѣди, чѣмъ въ греческой, должны признать главнымъ и преобладающимъ направленіемъ ея направленіе нравственно-практическое, и въ этомъ послѣднемъ направленіи въ частности мы должны отмѣтить стремленіе формальное или дисциплинарное, при которомъ мысль не столько разъясняетъ начала евангельскаго закона, сколько

старается опредѣлить формы и учрежденія для упорядоченія воли, и оправдать и защитить эти формы и учрежденія.

Мы признаемъ, что и на западѣ также, какъ на востокѣ, проповѣдь состояла, если не исключительно, то преимущественно, въ изъясненіи Священнаго Писанія и была поученіемъ на Писаніе. Но толкованіе Писанія у западныхъ латинскихъ проповѣдниковъ было нѣсколько иное, чѣмъ у восточныхъ: мысль восточныхъ экзегетовъ, болѣе утонченная и болѣе углубляющаяся въ предметъ, искала въ Писаніи, во всѣхъ мѣстахъ его, подлежащихъ ея изъясненію, болѣе глубокаго, сокровеннаго смысла, тогда какъ мысль западныхъ толковниковъ довольствовалась болѣе прямыми, непосредственными указаніями буквы Писанія, и изъ нея извлекала полезные уроки для назиданія вѣрующихъ. Въ произведеніяхъ учителей александрійской школы, — Климента и въ особенности Оригена, главнаго представителя греческой проповѣди третьяго вѣка и вліятельнаго руководителя послѣдующихъ проповѣдниковъ, мы видимъ очень широкое примѣненіе аллегорическаго метода толкованія Писанія. Какое бы мѣсто Писанія ни подлежало ихъ разсмотрѣнію, — они непременно прилагали искусственный снарядъ аллегоріи и посредствомъ ея выводили изъ объясняемаго текста такія ученія и истины, какія не представлялись обыкновенному читателю Писанія и какія скорѣе принадлежали толкователямъ Писанія, чѣмъ богодухновеннымъ авторамъ священныхъ книгъ. Аллегорія, при толкованіи Писанія, употреблялась и на западѣ. Она видна въ гомилетическихъ произведеніяхъ позднѣйшихъ латинскихъ проповѣдниковъ, обнаруживая здѣсь явное подчиненіе экзегетическому методу восточныхъ отцовъ — проповѣдниковъ, и заимствуя у нихъ не только форму, но и смыслъ и содержаніе. Но по натурѣ своей латинскій прямой умъ не предрасположенъ къ этому искусственному способу толкованія Писанія, и гдѣ онъ дѣйствовалъ самостоятельно, не подчиняясь чуждому вліянію, — тамъ онъ не усиливался подъ покровомъ буквы искать осо-

баго таинственнаго смысла. Западный латинскій проповѣдникъ не сталъ бы сквозь очки аллегоріи смотрѣть на такія евангельскія сказанія, каково сказаніе о богатомъ юношѣ, спрашивавшемъ Спасителя о томъ, что нужно дѣлать, чтобы наслѣдовать животъ вѣчный, передающее отвѣтъ Спасителя на этотъ вопросъ, и притча о челоувѣкѣ, попавшемся разбойникамъ, и о милосердномъ самарянѣнѣ, какъ дѣлаетъ то Климентъ александрійскій въ сочиненіи о спасеніи богатыхъ, составленномъ, по предположенію Фреппеля ¹⁾, изъ двухъ бесѣдъ, сказанныхъ въ церкви. Далѣе если допускалась и употреблялась аллегорія латинскими проповѣдниками при изъясненіи Писанія на церковной каедрѣ (чего мы не хотимъ отвергать), то она имѣла нѣсколько иной видъ, отличный отъ аллегоріи восточной-греческой, и была проще, чтобы не сказать, поверхностнѣе, довольствуясь общими мѣстами и соединяя съ извѣстными символами разъ найденный и утвержденный преданіемъ смыслъ. Аллегорія у восточныхъ служила цѣлямъ созерцанія. При ея пособіи греческіе экзегеты, съ Оригеномъ во главѣ, старались уяснять тайны боговѣдѣнія, и выводить изъ Писанія и основывать на немъ теоретическія представленія, переступающія предѣлы простой вѣры,—достояніе всѣхъ, и относящіяся къ области знанія, доступнаго для болѣе совершенныхъ и избранныхъ. По свойству римской мысли, мы не можемъ предполагать у латинскихъ экзегетовъ увлеченія за предѣлы простой вѣры въ область высренняго созерцанія, и аллегорія ихъ вращалась около общепринятыхъ положеній вѣры или истинъ нравственно-практическаго свойства, касающихся нашей нравственной дѣятельности, и не имѣла того разнообразія, той широты и полѣтистости толкованій, какими поражаетъ аллегорія такого глубокаго и изобрѣтательнаго ума, полная вызвышенныхъ идей, каковымъ является Оригенъ, какъ въ

¹⁾ Clement. d'Alexandrie. Cours d'eloquence sacrée pendant l'annee 1864—5. L. XI, p. 274.

своихъ твореніяхъ вообще, такъ въ частности въ своихъ экзегетическихъ бесѣдахъ.

Далѣе въ латинской проповѣди, на основаніи общаго направленія римской умственной дѣятельности и общаго облика латинской литературы, нужно предполагать преобладающее нравственное или практическое направленіе. Римскій геній издавна не имѣлъ влеченія къ области идеальной и мало занимался созерцательными вопросами. Міродержавный городъ, подчинившій своей власти всѣ окрестныя народы, предписывалъ законы странамъ, ему подчиненнымъ, и вводилъ въ ихъ учрежденія, связывавшія ихъ съ нимъ, какъ своимъ центромъ. Юридическая и политическая область—вотъ то поприще, на которомъ римскій геній упражнялъ свои силы, и которую онъ старался опредѣлить со всевозможною точностію и строгостію. Отъ того всегда славилась римская юриспруденція, и римское право стоитъ въ основаніи позднѣйшаго права, развившагося на почвѣ европейскихъ христіанскихъ законодательствъ. Съ такимъ направленіемъ римскій геній перешелъ и въ христіанство, и въ немъ продолжалъ работу, по толчку, данному прежнею дѣятельностію сыновъ вѣчнаго города, предписывавшаго законы другимъ странамъ и царствамъ. Между произведеніями древнѣйшихъ латинскихъ писателей мы не видимъ теоретическихъ изслѣдованій, между тѣмъ трактаты практическаго характера и нравственнаго содержанія занимаютъ между ними главное мѣсто. У Тертуліана и св. Кипріана, самыхъ замѣчательныхъ представителей и руководителей древнѣйшей латинской христіанской письменности, можно сказать, все вниманіе посвящено предметамъ нравственно-практическаго свойства. Они и близкіе къ нимъ по духу люди, заняты вопросами о покаяніи и способѣ принятія падшихъ въ церковное общеніе, о поведеніи и одеждѣ дѣвственницъ, о милосыни и благотвореніи, о единствѣ церкви и власти епископа и т. под. И послѣ, въ самую цвѣтущую пору развитія латинской христіанской литературы, мало занималась латин-

ская мысль теоретическими вопросами. Тѣ догматическіе споры о вопросахъ высшаго богословія,—о троицности лицъ Божества, и объ единосущіи съ Отцомъ Сына Божія и равночестномъ достоинствѣ съ ними Духа Святаго, и о соединеніи двухъ естествъ, божескаго и человѣческаго, въ лицѣ нашего Искупителя Господа Иисуса Христа,—тѣ споры, которые сильно волновали весь востокъ въ теченіе четвертаго и пятаго столѣтій, западъ мало занимали: здѣшнее общество, хотя приняло на себя нѣкоторое отраженіе горячихъ споровъ, веденныхъ на востокъ, но дѣятельнымъ образомъ мало участвовало въ ихъ рѣшеніи, и въ пору страстнаго возбужденія, замѣчаемаго на востокѣ, при видѣ еретическихъ ученій, оставалось почти равнодушнымъ зрителемъ жаркихъ споровъ, поднимаемыхъ на восточной половинѣ христіанства. Изъ области догматическихъ вопросовъ одинъ вопросъ возбуждалъ горячее вниманіе западной благословствующей мысли и подвергался тщательному изслѣдованію и разъясненію со стороны представителей латинской христіанской литературы,—это вопросъ, касающійся богословія антропологическаго,—вопросъ объ условіяхъ нашего спасенія, о благодати и о мѣрѣ участія нашихъ силъ въ дѣлѣ усвоенія искупленія, дарованнаго намъ Господомъ Иисусомъ Христомъ. Этотъ вопросъ, возникшій первоначально при Пелагіѣ и Августинѣ, поднялъ на западѣ живые, горячіе и нескончаемые споры, и красною нитью тянется по всей длинѣ исторіи. Принимая по другимъ догматическимъ вопросамъ рѣшенія, данныя трудами восточныхъ отцовъ и соборовъ, въ этомъ, хотя широко, по единственномъ пунктѣ, западный богословствующій умъ обнаружилъ самостоятельность и проявилъ много напряженной дѣятельности. Это предпочтительное вниманіе западной богословской мысли къ упомянутому вопросу изъ области догматики именно вытекаетъ изъ того практическаго направленія, какому привыкъ слѣдовать римскій духъ. Изъ всѣхъ вопросовъ, поднимаемыхъ умами, стремящимися къ уясненію таинъ боговѣдѣнія,

этотъ вопросъ ближе всего соприкасается съ областію практической дѣятельности. Полагаемъ, что указанныя данныя, представляемыя исторіею латинской мысли и письменности, достаточно сильны для того, чтобы уполномочивать насъ представлять нравственно-практическое направленіе главною характеристическою чертою проповѣди, слышимой въ церквахъ западной половины христіанства въ самые первые вѣка.

Но этого мало для характеристики древней латинской проповѣди, чтобы признать нравственно-практическое направленіе и содержаніе ея существенною чертою. Въ самомъ этомъ направленіи, насколько оно выразилось въ латинской письменности, опредѣляющей собою характеръ латинской проповѣди, видны нѣкоторыя частныя особенности. Нравоученіе раскрывалось и въ греческой христіанской литературѣ, и ему посвящали свое слово, его избирали предметомъ своего вниманія и греческіе проповѣдники. Самъ Оригенъ, этотъ полетистый умъ, колный возвышенныхъ созерцаній, нравственный смыслъ Писанія считалъ наиболѣе пригоднымъ для сообщенія народу, когда совершалъ служеніе церковнаго слова. Но въ разъясненіи нравоученія указываютъ не безъ основанія разницу между писателями греческими и латинскими. У первыхъ раскрывается болѣе внутренняя сторона нравоученія, а у вторыхъ болѣе опредѣляется сторона внѣшняя. Первые выставляютъ на видъ идеальныя требованія евангельскаго закона и разъясняютъ сущность христіанской заповѣди. У нихъ дано широкое мѣсто личной свободѣ челоука, обязаннаго воплощать въ своей жизни идеаль добродѣтели, указанный ему ученіемъ откровенія и церкви, и выхода отъ начала о значеніи свободы воли нашей въ дѣлѣ нашего спасенія, они настойчиво предлагаютъ въ своихъ словахъ вѣрующимъ болѣе или болѣе сильныя побужденія къ добродѣтели и къ уклоненію отъ порока во всѣхъ его видахъ, дѣлая, по указанію обстоятельствъ, то обличенія, то предостереженія, то

руководственныя указанія людямъ, призываемымъ ими къ подвигу христіанскому или къ жизни, соотвѣтственной евангельскому закону. У западныхъ же не столько раскрываются принципы правоученія, сколько опредѣляются формы, въ которыя должна укладываться жизнь, сообразно требованіямъ евангельскаго закона. Здѣсь создаются и развиваются учрежденія, съ ихъ строгими уставами, упорядочивающими свободное проявленіе духа, стремящагося къ осуществленію христіанскаго идеала. Здѣсь болѣе подробныя дисциплинарныя правила и распоряженія, и болѣе бдительное наблюденіе надъ ихъ выполненіемъ. Здѣсь большее стремленіе къ объединенію частныхъ волей и къ подчиненію всѣхъ единой власти, всѣмъ заправляющей, какъ во всемъ составѣ церковнаго тѣла, такъ и въ отдѣльныхъ институтахъ, въ немъ появляющихся. Здѣсь не столько возбуждаютъ свободную волю къ добродѣтели, сколько ведутъ ее по пути, строго и точно опредѣленному. Дисциплина церковная, здѣсь твердо поставленная, представляется краеугольнымъ камнемъ или незыблемымъ основаніемъ, на которомъ св. Кипріанъ приглашаетъ всѣхъ утвердить храмы наши, чтобы твердо и непоколебимо стоять противъ всѣхъ напастей и искушеній міра и чрезъ соблюденіе божественныхъ заповѣдей достигать божественныхъ даровъ. По его словамъ, все зданіе благочинія и вѣры зиждется на богобоязненномъ храненіи дисциплины. Ее онъ называетъ стражемъ надежды, охраненіемъ вѣры, руководителемъ на пути спасенія, насажденіемъ и воспитаніемъ добрыхъ наклонностей, пѣстуномъ добродѣтели ¹⁾).

Правоученіе западныхъ писателей древнихъ вѣковъ отличается строгимъ характеромъ, и эта строгость его, простирающаяся до ригоризма, можетъ быть поставлена въ отличительную черту его. Такой характеръ его зависѣлъ

¹⁾ Трактатъ объ одеждѣ дѣвственницъ. Тв. св. Кипріана въ р. пер. Т. II, стр. 124 - 5.

частію отъ того, что учителя и разъяснители закона между латинскими правителями и писателями церковными старались опредѣлить, такъ сказать, каждый шагъ челоѣка, и обязательную силу нравственныхъ требованій простирали до законовъ внѣшняго благоприличія, гдѣ можно было бы предоставить просторъ личной свободѣ челоѣка, или признать значеніе господствующаго обычая, безразличнаго въ нравственномъ отношеніи. Частію же онъ былъ слѣдствіемъ строгаго примѣненія къ жизни и послѣдовательнаго проведенія въ практическую область высшихъ требованій евангельскаго закона, безъ вниманія къ челоѣческому немощамъ, безъ всякихъ послабленій, какія вызываются житейскими условіями. Мы видимъ, что въ жизни и литературѣ ставятся важные практическіе вопросы о покаяніи, о принятіи въ церковное общеніе падшихъ или осквернившихъ себя жертвами идоламъ, о крещеніи людей, переходящихъ отъ ереси или раскола,—и рѣшенія, какія постановляли по этимъ вопросамъ, свидѣлствуютъ о строгости той дисциплины, какая господствовала въ церкви и какой хотѣли подчинять всѣхъ, дорожащихъ званіемъ христіанъ. Но и эти строгія рѣшенія,—напримѣръ наложеніе продолжительной эпитеміи на падшихъ и принятіе ихъ въ церковное общеніе послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тяжелаго покаянія, многимъ казались слабыми. По вопросу о принятіи въ церковь падшихъ и другимъ подобнымъ образовывались партіи, которымъ казались снисходительными самыя строгія распоряженія власти церковной,—такія партіи, которыя падшимъ вовсе не хотѣли давать мира и лишали ихъ всякой надежды на допущеніе въ церковь. И эти партіи, увлекаясь излишнею ревностію по чистотѣ церкви и святости жизни, изъ-за мнимаго послабленія церковной власти людямъ согрѣшающимъ, сами выступали изъ состава церкви и образовали въ ея нѣдрахъ особыя раскольническія общества, какова партія Новиціана и Новата.

Мы видимъ, что у писателей латинскихъ съ особенною

силою выставляется совѣтъ евангельскаго совершенства о дѣвствѣ, къ исполненію котораго они желали бы привлечь какъ можно болѣе лицъ. Дѣвство, это—можно сказать, любимая тема латинскихъ писателей отъ Тертуліана до св. Амвросія медіоланскаго, и если они снисходительно относятся къ первому браку, то второй бракъ готовы считать униженіемъ человѣческаго достоинства. Когда говорятъ они объ образѣ жизни дѣвственницъ, они даютъ самыя строгія предписанія, опредѣляющія ихъ внѣшнее благоповеденіе даже въ отношеніи къ такимъ вещамъ, каковы одежды, свидѣтельствомъ чего служатъ два трактата объ одеждѣ дѣвъ, принадлежащія перу Тертуліана и св. Кипріана. Въ этихъ трактатахъ они не только запрещаютъ носить роскошныя одежды и украшенія дѣвамъ даже богатымъ, но возстаютъ противъ всего, что привноситъ искусство человѣческое для украшенія одеждъ и вообще внѣшняго вида человѣка. Что не отъ природы, или что, данное природою, измѣнено прихотью или искусствомъ человѣческимъ, то не должно быть допускаемо въ благоприличномъ поведеніи дѣвъ. Искусственное напримѣръ измѣненіе цвѣта матерій есть уже нарушеніе закона, даннаго Богомъ. „Господь (говоритъ св. Кипріанъ) не сотворилъ овецъ червленными или багряновидными, не Онъ научилъ разцвѣчивать и разукрашать руно ихъ травными соками и червленью; не Онъ устроилъ ожерелья, которыми ты,—переплетши сперва волосы золотомъ и жемчугомъ, расположивши ихъ въ стройные ряды и многочисленныя складки,—покрывала бы свою шею, Имъ созданную, чтобы скрыть то, что въ человѣкѣ образовано Богомъ, и выставить наружу то, что изобрѣтено діаволомъ. Божіе ли изволеніе—дѣлать на ухахъ язвы, и мучить ими младенчество, злу мірскому непричастное, чтобы потомъ къ проколотымъ язвамъ привѣшивать дорогія зерна, тяжелыя, если не своимъ вѣсомъ, то заплаченными за нихъ деньгами? Все то изобрѣли своимъ коварствомъ согрѣшившіе и отъ Бога отпадшіе ангелы, когда, оставивъ свои пренебес-

ныя жилища, низверглись долу. Они-то, побуждаемые испорченною своею природою, научили чернить брови, на щеки наводить поддѣльный румянецъ, красить волосы въ несвойственный имъ цвѣтъ, искажать подлинныя черты лица и головы". — Не однимъ дѣвамъ, посвятившимъ себя на особенное служеніе Богу, святой отецъ преподаетъ такое строгое правоученіе. „Побуждаясь страхомъ, который внушаетъ вѣра, и любовію, которой требуетъ отъ насъ братство, нужнымъ считаю (говоритъ онъ) преподавать совѣтъ не однимъ только дѣвамъ или вдовицамъ, но и замужнимъ и всѣмъ вообще женамъ: то, что есть дѣло Бога, Его твореніе и произведеніе, отнюдь не должно быть искажаемо примѣсю ни золотистаго цвѣта, ни чернаго порошка, ни румянъ, ни, наконецъ, другаго какого бы то ни было состава, скрадывающейа природныя черты. Богъ сказалъ: *сотворимъ челоуѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26). Кто же дерзнетъ измѣнить и переобразовывать то, что сотворено самимъ Богомъ? Тѣ, кои стараются преобразовать и передѣлать то, что образовалъ самъ Богъ, поднимаютъ руки на Бога, не сознавая, что все, какъ оно рождается, есть дѣло Божіе; а если въ немъ что либо измѣняютъ, то это уже дѣло діавола“¹⁾).

Мы привели изъ трактатовъ древнихъ латинскихъ писателей одиавъ примѣръ въ объясненіе строгости тѣхъ нравственныхъ требованій, какія предъявляли вврующимъ древніе западные церковные учителя. Примѣръ этотъ отнюдь не единственный. Подобная же строгость видна у нихъ, когда они рассуждаютъ о другихъ предметахъ житейскаго свойства, относимыхъ нынѣшними снисходительными правоучителями къ категоріи адіафоръ, или безразличныхъ въ нравственномъ отношеніи. Возьмемъ вопросъ о зрѣлищахъ или о посѣщеніи театровъ. Объ этомъ предметѣ мы встрѣчаемъ трактаты у обоихъ писателей, нами поименованныхъ, слу-

¹⁾ Творенія св. священномученика Кипріана, епископа кареагенскаго, въ р. пер Т. II, стр. 134—135.

жащихъ главными представителями древней латинской христіанской письменности, и оба они затворяють для вѣрующихъ, присвоющихъ себѣ право именоваться христіанами, двери театровъ, и сильно возстають противъ тѣхъ, которые поблажаютъ преступленіямъ, „признавая невиннымъ наслажденіе зрѣлищами, при которыхъ будто имѣется въ виду успокоеніе души“. Положимъ, связь театра съ идолослуженіемъ, какъ это было въ языческой древности, является у нихъ первымъ основаніемъ, почему отрехшійся отъ діавола навсегда въ крещеніи не можетъ и не долженъ ходить туда, гдѣ служатъ демонамъ. А мать всѣхъ игрищъ, по словамъ Тертуллиана и Кипріана, есть идолослуженіе. „Хитрецъ-діаволь (говоритъ Кипріанъ), зная, что идолослуженіе само въ себѣ можетъ показаться отвратительнымъ, соединилъ его съ зрѣлищами, чтобы заставить полюбить его ради наслажденія“.—Но и независимо отъ этого, посѣщеніе зрѣлищъ имъ кажется пустымъ занятіемъ, совершенно неприличнымъ христіанину, и все, что дѣлается тамъ, возбуждаетъ въ нихъ чувство омерзѣнія. „Мнѣ стыдно (говоритъ Кипріанъ) и передавать о томъ, что тамъ говорится, стыдно и осуждать то, что тамъ дѣлается,—осуждать строфы пустыхъ измышленій, хитрости прелюбодѣевъ, безстыдство женщинъ, шутовскія игры, гнусныхъ скомороховъ. И не смотря на то, что негодяи, не обращая вниманія ни на происхожденіе, ни на должность, не даютъ никому въ своихъ словахъ пощады, не смотря на то, всѣ спѣшаютъ на зрѣлище. Находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы видѣть общее безобразіе, знакомиться съ праздностію и пріучаться къ ней. Сходятся въ этотъ домъ публичнаго безстыдства, въ это училище не потребствъ. Что же дѣлаетъ на этихъ зрѣлищахъ христіанинъ, вѣрующій,—которому не позволительно и помышлять о порокахъ? Какое удовольствіе находитъ въ изображеніяхъ похоти, могущихъ довести его до того, что и самъ онъ, потерявши здѣсь стыдъ, сдѣлается болѣе отважнымъ на преступленія?... Говорю: не позволительно вѣрнымъ христіа-

намъ, совершенно не позволительно ни присутствовать на зрѣлищахъ, ни быть вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ Греція, для увеселенія слуха, посылаетъ всюду, выучивъ ихъ разнымъ пустымъ искусствамъ"... Закрывая для христіанъ всякія представленія, даваемые на театрахъ, какъ недостойныя и соблазнительныя, нарушающія чистоту душевную, Тертуліанъ и Кипріанъ отсылаютъ ихъ къ зрѣлищамъ природы, которыя могутъ доставлять имъ истинныя и вполне полезныя удовольствія. Христіанинъ имѣетъ предъ собою красоту міра, которую можно видѣть и которой можно удивляться. Пусть онъ смотритъ на восхожденіе и заходженіе солнца, которыя попеременно возвращаютъ дни и ночи, на кругъ луны, своимъ возрастаніемъ и ущербомъ обозначающій теченіе временъ, на сонмы сверкающихъ звѣздъ;... пусть созерцаетъ уравновѣшенную толщу земли съ ея горами, и безпрерывно текущія рѣки съ ихъ источниками,—обширныя моря съ ихъ волнами и берегами,—постоянный, съ величайшею соразмѣрностію распростертый повсюду воздухъ, все оживляющій своимъ благораствореніемъ, и то изливающій дождь изъ сгущенныхъ облаковъ, то, по разрѣженіи облаковъ, снова возвращающій ясную погоду,—и во всѣхъ этихъ частяхъ природы пусть созерцаетъ обитателей, свойственныхъ каждой части: въ воздухѣ—птиць, въ водѣ—рыбъ, и на землѣ—человѣка. Эти-то, говорю, и другія дѣла Божіи должны составлять зрѣлище для вѣрныхъ христіанъ. Какой театръ, построенный человѣческими руками, можетъ сравниться съ этими дѣлами"?... Далѣе, вѣрный христіанинъ въ божественныхъ писаніяхъ найдетъ зрѣлища, достойныя вѣры. Онъ увидитъ тамъ Бога, творящаго міръ свой, и послѣ сотворенія всѣхъ животныхъ создающаго удивительнымъ и самымъ лучшимъ образомъ человѣка,—увидитъ міръ во грѣхахъ его и затѣмъ праведное потопленіе всѣхъ, награды благочестивыхъ и наказанія нечестивыхъ"¹⁾...

¹⁾ Творенія св. священномученика Кипріана въ р. пер. Т. II, стр. 339—347.

На основаніи указанныхъ вами данныхъ, мы въ правѣ заключать къ утвержденію строгаго характера латинской правоучительной проповѣди. Подобно тому, какъ судили объ одеждѣ или о посѣщеніи зрѣлищъ, западные учителя говорили и о другихъ предметахъ нравственно-практическаго свойства: начало, разъ положенное, послѣдовательно проводилось ими по всей широтѣ нравственно-практической области. И какъ говорили и судили о вещахъ они въ трактатахъ, такъ точно должны были учить они и тогда, когда являлись на каедрѣ среди собранія вѣрующихъ и обращали къ нимъ слово назиданія.

Родоначалникомъ латинской христіанской литературы былъ, какъ извѣстно, Тертулліанъ. Но это былъ суровый правоучитель и строгій ритористъ. Натура страстная, всецѣло отдающаяся тому дѣлу, въ которомъ онъ видѣлъ благо и истину, онъ до послѣднихъ граней доводилъ тѣ требованія, начало которымъ положено въ Евангеліи, и не хотѣлъ допускать никакихъ послабленій, не терпѣлъ никакихъ извиненій уклоненія отъ требованій долга. Онъ отдѣлился отъ церкви и перешелъ къ строгой и ригористической партіи монтанистической, и причиною этого перехода были главнымъ образомъ родство его строгихъ нравственныхъ правилъ и взглядовъ съ ригористическимъ направленіемъ монтанизма и его нетерпѣніе, при видѣ ослабленія церковной дисциплины и пониженія нравственнаго уровня въ обществѣ вѣрующихъ, составлявшихъ церковь. Это настроеніе, которое довело Тертулліана до монтанизма, проходитъ съ большими или меньшими видоизмѣненіями чрезъ весь длинный, полувѣковой, періодъ его литературной дѣятельности. И до перехода къ монтанистамъ, Тертулліанъ всегда высказывался, по вопросамъ нравственнаго свойства, такъ строго, такъ ригористически, какъ только возможно со стороны суроваго ревнителя святости жизни. Онъ недовольтвуется тѣми заповѣдами о жизни христіанской, какія даны въ Евангеліи. Онъ хочетъ вести и развивать ихъ далѣе, думаетъ объ усовер-

шенствованіи христіанской жизни и христіанскаго правоученія и хочеть болѣе строгой дисциплины, чѣмъ какая была въ церкви апостольской. Это усовершенствованіе христіанской жизни и христіанскаго правоученія и введеніе болѣе строгой дисциплины, по его воззрѣнію, дано будетъ Параклитомъ или Духомъ Святымъ, Котораго обѣщаль послать Господь Іисусъ Христосъ, и Который, по Его обѣщаванію, восполнитъ то, чего не могли Его ученики принять отъ Него непосредственно. И этотъ суровый ригористъ, стоя во главѣ латинской литературы, дѣйствуя на поприщѣ церковной письменности съ страшною энергіею въ теченіе цѣлаго полустолѣтія, сильное вліяніе имѣлъ на послѣдующія поколѣнія латинскихъ писателей, и къ нимъ перешла отъ него та неумолимая строгость и требовательность, какою дышать его писанія. Самый видный между писателями трехъ первыхъ вѣковъ на западѣ—св. Кирианъ. И онъ стоялъ подъ сильнымъ воздѣйствіемъ Тертулліана. Онъ называлъ его не иначе, какъ „Учителемъ“, и ни одного дня не пропускалъ, чтобы не читать его сочиненій¹⁾. Въ его трактатахъ слышится ясно отголосокъ Тертулліановыхъ рѣчей, и повторяется верѣдко не только тонъ, но даже мысли и слова. Все это не могло оставаться безъ значенія для характера латинской проповѣди. И на ней долженъ быть болѣе или мевѣ тотъ отпечатокъ, какимъ отличается вся латинская христіанская литература.

Въ иныхъ исторіяхъ проповѣдничества, при обзорѣни проповѣди II и III вѣковъ, мы встрѣчаемъ характеристики замѣчательнѣйшихъ латинскихъ проповѣдниковъ тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ, чего, по видимому, нельзя было ожидать, когда извѣстно, что отъ тѣхъ вѣковъ не дошло до насъ памятниковъ латинскаго проповѣдничества. Въ разрядъ проповѣдниковъ историки, преслѣдующіе полноту изложенія, включали наиболѣе видныхъ церковныхъ писателей, между

¹⁾ Книга о знаменитыхъ мужахъ, блаж. Іеронима, III.

сочиненіями которыхъ встрѣчаются трактаты нравственнаго содержанія. Такъ, у Павлиа, въ отдѣлѣ исторіи проповѣди отъ апостольскихъ отцовъ до Кипріана (70—250 г.) въ западной церкви, есть особая глава, посвященная характеристикѣ выдающихся проповѣдниковъ изъ этаго періода, и въ ней представленъ довольно подробный очеркъ жизни и литературной дѣятельности Тертуліана¹⁾. Такая же глава, трактующая объ отдѣльныхъ проповѣдникахъ, встрѣчается при изложеніи исторіи латинской проповѣди въ періодъ отъ Кипріана до Иларія пиктавійскаго (отъ 250 до 350 г.), и въ ней отведено широкое мѣсто Кипріану, какъ проповѣднику²⁾. Въ исторіи первобытной христіанской проповѣди (до IV вѣка) г. Барсова дана характеристика еще бѣльшаго числа писателей латинскихъ, включенныхъ въ число проповѣдниковъ въ главахъ, озаглавленныхъ: „Фактическая исторія проповѣди II и III вѣка“. У него значатся въ числѣ проповѣдниковъ и характеризуются, какъ проповѣдники, не только Тертуліанъ³⁾ и Кипріанъ⁴⁾, но и Арнобій⁵⁾ и Лактанцій⁶⁾. Сочиненія этихъ писателей могутъ представлять данныя для уясненія латинской проповѣди, ея характера и направленія въ древніе вѣка, и къ нимъ можно и законно обращаться въ подробныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ исторіи проповѣди древнихъ вѣковъ, какъ можно обращаться къ другимъ свидѣтельствамъ, какія представляетъ исторія церкви вообще, или какія даютъ церковныя правила и установленія, дѣйствовавшія въ церкви въ древніе вѣка. Но чрезъ одно это они не могутъ быть предметомъ спеціальнаго и непосредственнаго вниманія въ исторіи проповѣди, и авторы такихъ сочиненій не могутъ быть включаемы въ число про-

¹⁾ Pragmatische Geschichte der christlichen Beredsamkeit und der Homiletik Paniel. Erste Hauptperiode. zweiter Zeitabschnitt Zweite Abtheilung. Viertel Kapitel. Einzelne Redner aus diesem Zeitabschnitt. § 54, s. 124—133.

²⁾ Ibidem. Dritter Zeitabsch. Zw. Abth. funftes Kapitel. § 81. s. 234—245.

³⁾ § 42, стр. 174—187.

⁴⁾ § 60, стр. 329—352.

⁵⁾ § 61, стр. 352—354.

⁶⁾ § 62, стр. 354—369.

повѣдниковъ. Вносить въ исторію проповѣди изслѣдованія о такихъ писателяхъ и характеристики ихъ—не только излишняя роскошь, но прямо не вужный балластъ, напрасно отягчающій содержаніе науки. Для изслѣдованія сочиненій церковныхъ писателей, не относящихся къ гомилетической или проповѣднической литературѣ, есть особая наука—патрологія, въ которой подвергаются особому нарочитому разсмотрѣнію всѣ сочиненія писателей, подобныхъ Тертуліану и Кириану. За чѣмъ отнимать у ней то, что ей несомнѣнно принадлежитъ, или повторять то, что она говоритъ и должна говорить о такихъ церковныхъ писателяхъ, каковы Тертуліанъ, Кирианъ, Арнобій и Лактанцій? У исторіи проповѣди довольно своего матеріала, и если она опредѣлитъ хорошо свою задачу, она не будетъ гоняться за побочными предметами, и чрезъ то яснѣе и лучше представить прямой и непосредственный предметъ свой.

Тѣ самые писатели, которые отводятъ въ своихъ исторіяхъ проповѣди такъ много мѣста Тертуліану и Кириану, какъ проповѣдникамъ, въ свои характеристики ихъ включаютъ такіа замѣчанія, которыми дается чувствовать читателю, что указанные церковные писатели, собственно говоря, не могутъ быть трактуемы, какъ проповѣдники; такъ какъ отъ нихъ не дошло до насъ ни одной проповѣди, сказанной предъ собраніемъ. Такъ, Паниль, представивши краткія біографическія свѣдѣнія о Тертуліанѣ и давши характеристику его, какъ писателя, считаетъ нужнымъ оправдывать включеніе его въ исторію проповѣди и дѣлаетъ это такъ: „церковнаго учителя такого значенія, выдающагося не только своею нравственною строгостію, своею ученостію, своими талантами, но и въ особенности своею такъ побѣдоносною ораторскою силою, мы не можемъ здѣсь обходить, *хотя мы не имѣемъ отъ него ни одной церковной рѣчи, даже вообще ни одной рѣчи.* Между тѣмъ, хотя очень многія изъ его существующихъ, еще довольно многочисленныхъ, сочиненій полемическаго, другія апологетическаго характера, однако есть между ними и болѣе или менѣе практическія

увѣщательныя писанія, какъ то: De patientia, De poenitentia, De cultu foeminarum, De velandis virginibus и De oratione, и поэтому *нѣкоторымъ образомъ* принадлежатъ къ области церковнаго краснорѣчія“... За тѣмъ, поясняя характеръ и достоинство ораторства Тертулліана, Паниль указываетъ не на тѣ сочиненія, которыя *нѣкоторымъ образомъ*, по его словамъ, относятся къ области церковнаго краснорѣчія, а совершенно чуждыя и стороннія по отношенію къ этой области. „Ораторская сила Тертулліана (говоритъ онъ) блистательнѣе всего обнаруживается въ его Apologeticus, который прежде считали за самое лучшее изъ его сочиненій. Непосредственно за нимъ помѣщается его сочиненіе Ad nationes,—апологетическое сочиненіе за христіанство. Это хотя менѣе имѣетъ огня и силы, за то частію лучше упорядочено. Сильнѣе, нежели въ этомъ сочиненіи, говоритъ ораторъ въ другомъ: Praescriptiones adversus haereticos. Собственно остроумная манера авторская, сыплющая основаніе за основаніемъ, выявляется особенно въ двухъ разсужденіяхъ De carne Christi и de resurrectione carnis“... Предвидитъ возраженія нѣмецкій историкъ и по поводу включенія въ исторію проповѣди и Кипріана и посвященія ему особаго параграфа, какъ замѣчательному проповѣднику, и устраняетъ это возраженіе съ замѣтною натяжкою, не совсѣмъ удачно. Наговоривъ очень много о Кипріанѣ, изобразивъ его, какъ оратора, показавъ содержаніе его сочиненій, онъ дѣлаетъ потомъ такое признаніе: „и послѣ того, какъ мы такъ долго останавливались на изображеніи оригинальности Кипріана, какъ оратора, можетъ показаться нѣсколько страннымъ заявленіе, что мы не имѣемъ отъ него ни одной рѣчи или проповѣди, публично сказанной предъ общиною. Но хотя проповѣди, которыя ему раньше приписывались, ему не принадлежатъ, однако мы имѣемъ нѣсколько разсужденій, по формѣ и содержанію совершенно напоминающихъ духовныя рѣчи, которыя направлены къ цѣли христіанскаго ободренія и назиданія народа, и отъ собственныхъ пропо-

вѣдѣй отличаются только въ одномъ пунктѣ, именно, что у нихъ нѣтъ въ основаніи никакого спеціального текста Писавія. ...Такихъ разсужденій семь⁴. При этомъ самымъ краснорѣчивымъ и наиболѣе художественнымъ Паниль признаетъ первое, изданное Киприаномъ, сочиненіе: „Ad Donatum liber de gratia Dei“, отнюдь не принадлежащее къ разряду гомилетическихъ произведеній¹).

Подобнымъ образомъ разсуждаетъ слѣдующій Панилю авторъ „Исторіи первобытной христіанской проповѣди“, отводящій Тертуліану и Киприану еще болѣе мѣста, чѣмъ Паниль. У него основаніемъ для включенія Тертуліана и Киприана въ число проповѣдниковъ и для разсмотрѣнія ихъ въ исторіи проповѣди служитъ то, что тотъ и другой *могли* быть отличными проповѣдниками. А были ли они такими, сдѣлали ли они что нибудь въ области проповѣдничества,—это другой вопросъ, и объ этомъ предметѣ, который собственно и долженъ подлежать разсмотрѣнію въ исторіи проповѣди, нѣтъ точныхъ и ясныхъ указаній. „Собственно проповѣдей отъ Тертуліана (говоригъ г. Барсовъ) до насъ не сохранилось. Но будучи пресвитеромъ, онъ, по церковнымъ правиламъ, не могъ не быть проповѣдникомъ (весьма могъ, говорятъ другіе), и какъ человекъ рѣдкаго ума и образованія, безъ всякаго сомнѣнія (?), былъ проповѣдникомъ выдающимся“. За тѣмъ, упомянувши о его нравоучительныхъ сочиненіяхъ и приведши выдержки изъ его Апологетика (не имѣющаго никакого отношенія къ проповѣди) и изъ трактата о покаяніи, авторъ замѣчаетъ: „изъ этихъ отрывковъ... мы можемъ убѣдиться, до какой степени проповѣднически говоритъ Тертуліанъ въ своихъ трактатахъ и слѣдовательно до какой степени хорошимъ онъ могъ быть, и, безъ сомнѣнія, былъ проповѣдникомъ“²). Историкъ вращается въ области возможнаго и говоритъ о томъ, что могло

¹) Pragm. Geschichte der christl. Beredsamkeit. § 81, s. 240.

²) Ист. перв. христ. проповѣди. § 42, стр. 180—186.

быть. Но область возможнаго весьма обширна, и отъ возможнаго къ дѣйствительному, по логикѣ, non valet consequentia. И о Кипріанѣ говоритъ историкъ также, какъ и о Тертуллианѣ, вращаясь въ области возможнаго и допуская очевидный произволь мысли. „Мы не имѣемъ отъ Кипріана (говоритъ онъ) проповѣдей въ собственномъ смыслѣ...; однако по крайней мѣрѣ его трактаты могутъ быть разсматриваемы, какъ образцы западной проповѣди III вѣка. Для того, чтобы быть проповѣдями въ полномъ смыслѣ слова, трактатамъ Кипріана не достаетъ лишь текста изъ Свящ. Писанія, помѣщаемаго въ началѣ, въ качествѣ исходнаго пункта рѣчи“... Отсутствие заглавнаго текста изъ Писанія, который г. Барсовъ, въ слѣдъ за Панилемъ, считаетъ существенною принадлежностію проповѣди, не могло бы само по себѣ служить признакомъ, отличающимъ трактаты Кипріана отъ проповѣдей. Развѣ между проповѣдями, принадлежащими отцамъ древней церкви (напримѣръ св. Василию Великому или св. Григорію Богослову) мало такихъ словъ, несомнѣнно сказанныхъ съ церковной кафедрой, въ которыхъ вовсе нѣтъ заглавнаго текста? Дѣло вовсе не въ этомъ, а въ томъ, что они писаны, положимъ, съ цѣлію назиданія народа, но не съ тѣмъ, чтобы быть произнесенными въ храмѣ. Сходства ихъ по тенденціи съ проповѣдями мало для того, чтобы ихъ включать въ область проповѣднической литературы. Это или разсужденія или посланія. Въ иныхъ изъ нихъ есть прямые несомнѣнные признаки, по которымъ они должны быть причислены именно къ разряду посланій, а не проповѣдей. Напримѣръ, книга *о зрѣлищахъ* начинается такъ, какъ обыкновенно пишутся посланія. „Кипріанъ народу, неуклонно пребывающему въ евангеліи, желаетъ здравія. Какъ сильно печалюсь я и возмущаюсь въ душѣ своей въ то время, когда не представляется мнѣ никакого случая писать къ вамъ...; такъ съ другой стороны ничто не доставляетъ мнѣ столько удовольствія и не возвращаетъ мнѣ снова благодушія, какъ открывающаяся для того возможность.“

Мнѣ кажется, что я нахожусь среди васъ, когда бесѣдую съ вами письменно“...¹⁾).

Что касается Арнобія и Лактанція, включенныхъ авторомъ Исторіи первобытной христіанской проповѣди въ число проповѣдниковъ²⁾, то для этого нѣтъ и такихъ основаній, какими можно оправдывать включеніе въ исторію проповѣди Тертулліана и Кипріана, и кромѣ упомянутой нами *Исторіи проповѣди* ни гдѣ они не разсматриваются съ этой стороны. Впрочемъ, и нашъ авторъ говоритъ о нихъ вообще, какъ о писателяхъ, и разбираетъ ихъ сочиненія, какія дошли до насъ, не усиливаясь находить въ нихъ аналогическія черты съ проповѣдническими произведеніями. Они попали въ исторію проповѣди просто потому, что писали, и изъ этихъ писаній нѣкоторыя дошли до позднѣйшаго времени. Но это значитъ совершенно опустить изъ виду задачу исторіи проповѣди и безъ нужды расширять ея предѣлы, означаемые ея именемъ и предписываемые строгою логикою. Если бы кому либо прочесть §§ Исторіи первобытной христіанской проповѣди, тракующіе объ Арнобіѣ и Лактанціѣ, и не говорить, откуда взяты они, тотъ никакъ не догадался бы, что они составляютъ содержаніе книги, носящей названіе Исторіи проповѣди.

В. Пивницкій.

¹⁾ Творенія св. священномученика Кипріана, еп. каре. въ р. пер. Т. II, стр. 338.

²⁾ Ист. перв. христ. проповѣди, §§ 61 и 62, стр. 352—369.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru